

АВТОМАТИЗАЦИЯ ОБРАБОТКИ ТЕКСТА

УДК 801

Е. В. Рахилина

Холодно — горячо*

Описывается языковое поведение русских прилагательных температуры. Показано, что их сочетаемость (как и сочетаемость прилагательных других семантических групп) не свободна и имеет значительное число ограничений. Акцент делается на мотивированности сочетаемостных свойств этих прилагательных, т. е. на их выводимости из семантического представления.

0. ВВЕДЕНИЕ

Задача настоящей работы — описание сочетаемости (в рамках атрибутивной конструкции) предметных имен с основными прилагательными, называемыми “температурные параметры” объектов, такими, как например, *знойный, жаркий, горячий, теплый, прохладный, голодный, ледяной*. Эти прилагательные интересны тем, что они, в отличие, скажем, от прилагательных размера (см. здесь нашу статью [1]), описывают прежде всего не постоянные, а временные и даже ситуационные свойства объектов: температура самых разных объектов легко и быстро меняется с одного значения на другое в зависимости от ситуации и даже в зависимости от ее оценки говорящим, т. е. вообще говоря, от прагматики. Нам интересно было бы установить, есть ли какие-то (семантические) границы у этой неустойчивой картины.

Начнем с уточнения семантики самих прилагательных; в качестве исходных мы используем (часто довольно удачные) толкования МАС.

1. ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ ЗНОЙНЫЙ

Знойный — ‘распространяющий зной, т. е. сильный жар солнца и вследствие этого расслабляющий и утомляющий человека’.

Из данного описания следует, что прилагательное *знойный* в первую очередь должно быть семантически связано с источником жара — солнцем, ср. здесь *знойное солнце*, а также с воздухом, который этот жар распространяет: *знойный воздух/ветер*. Благодаря метонимическому переносу *знойный* применимо также к названиям периодов времени (‘когда знойно’), ср.: *знойное лето / вечер / пора / часы*, а также пространств (‘где знойно’), ср.: *знойная равнина / степь / пустыня*.

Семантика *знойный* в принципе не предполагает других групп имен: ни помещения, ни части тела, ни одежда, ни имена других групп, вообще говоря, не должны сочетаться с *знойный*. Понятное исключение составляют метафорические употребления, которые касаются (кстати, прежде всего

отглагольных, а не предметных) имен чувственной сферы: *знойная страсть / ласки* (‘утомляющие и расслабляющие’) и некоторые др., ср., однако, вошедший в обиход неологизм Ильфа и Петрова *знойная женщина / мужчина* = ‘как бы источник зноя, воздействующий аналогичным ему образом на чувства человека’.

2. ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ ЖАРКИЙ

Жаркий — ‘специальный источник тепла, источающий сильную его степень (=жар), которая воспринимается через воздух, так что человек ощущает это тепло как дополнительное или лишнее (говоря: “мне жарко”)’.

Таким образом, для *жаркий* источником тепла не обязательно должно быть солнце: это может быть и печь, и костер, и вообще огонь, и даже батареи (ср. *жаркое солнце / печка / костер / огонь / батареи*) — главное, чтобы этот источник был настолько сильным, чтобы тепло, идущее от него, воспринималось опосредованно, т. е. чтобы оно целенаправленно согревало окружающее пространство, и только через него — человека. Поэтому ни утюг, ни грелка, ни раскаленный чайник нельзя назвать *жаркими*: их тепло слишком локально, оно может восприниматься только тактильно. С другой стороны, “случайное” нагревание окружающей среды каким-то горячим объектом тоже не воспринимается как жар, а объект — как жаркий: **жаркий кипяток / *вода / *пар / *песок / *пепел / *лава...*

Как и следовало ожидать, *жаркий* применимо к “переносчикам жара” — воздуху и ветру (*жаркий воздух / ветер*), а также (метонимически) — его “вместилищам” — пространствам (*жаркая степь / пустыня*, ср. здесь и: *жаркий город, жаркие улицы*) и помещениям — таким, в которых колебания температуры заметны и существенны для человека (*жаркая баня / изба / комната / купе / пещера...*). Кроме того, для *жаркий*, как

* Настоящая работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 97-04-06-380а. Работа опирается на материал базы данных по русской предметной лексике “Лексикограф”.

и для знойный, характерен метонимический перенос 'пространство' → 'время' ('период времени, когда жарко'), ср.: жаркий день / июль / год / часы и др.

Источники тепла, согревающие пространства, и сами пространства составляют главные зоны сочетаемости с жаркий. Удивительным образом, их семантические характеристики совмещаются в значении представителей еще одной большой группы предметных имен — названий одежды. В самом деле, шуба оказывается для человека и (своеобразным) источником тепла, и своего рода вместилищем, отсюда жаркая шуба (и: жаркий свитер / кофта / майка / плащ / шаровары / носки, но не: жаркий фартук / галстук).

Метафорические употребления жаркий связаны с интерпретацией некоторого события или объекта как "разогревающего", распространяющего жар источника тепла. Ср. здесь прежде всего "военную" метафору, характерную для жаркий: жаркий бой, схватка, а также жаркий спор, дискуссия и, в том же ряду, жаркая работа, дело (и в обычном значении, и в значении 'бой')¹.

Метафорически источниками тепла могут стать даже некоторые части тела: губы, руки (ср. также жаркие объятия), бок, грудь (ср., однако: жаркий нос / нога / шея...). В этих случаях сам жар получает метафорическую интерпретацию, связанную с любовной страстью (так что здесь происходит как бы метафоризация второго порядка), отсюда жаркие слова / голос (уже как источник страсти, распространяющий и как бы насыщающий ею пространство)², а также жаркая женщина / мужчина / любовница / любовник: здесь же: жаркая страсть / жаркая любовь (только определенного рода, ср. жаркая страсть к картам или жаркая любовь к обездоленным детям).

Слабые отрицательные коннотации, иногда проявляющиеся в употреблениях жаркий типа жаркая одежда, жаркий климат (ср. также: жарко пришлось, задать жару) в метафорических контекстах полностью исчезают — наоборот, здесь появляется положительная оценка.

3. ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ ГОРЯЧИЙ

Горячий — 'имеющий высокую температуру, которая воспринимается человеком на ощупь'.

С горячий легко сочетаются имена объектов, для которых естественно быть сильно нагретыми — прежде всего, от солнца. От солнца нагреваются воздух, ветер, а также камни, песок и другие поверхности, в особенности металлические, ср. горячая броня / крыша / бочка / асфальт ('поверхность асфальта') и мн. др. Другим источником тепла может быть огонь: от огня нагреваются вода, еда, посуда; кроме того, смола, воск и некоторые другие вещества — в частности, расплавленные металлы. Наконец, нагревание может происходить и, так сказать, изнутри, за счет собственного тепла (пепел, лава, костер). Особенно естественно "вну-

треннее" горячее состояние для нагревательных приборов, ср. горячая печь, утюг, батарея, щипцы и проч., ср. также специальные (в данном случае, согревающие) приспособления, содержащие (горячую) воду: горячая грелка / компресс / губка.

Не естественно горячее состояние для всегда холодных объектов, таких, как лед или снег, а также такой еды и питья, которые всегда употребляются только в холодном (и даже специально охлажденном) виде, ср.: горячее пиво (и другие холодные напитки или закуски) / рюмка / салатница (и другая посуда для "холодной" еды и напитков) / река (и вообще естественные водоемы) и мн. др. — в процессе своего обычного функционирования они не нагреваются так сильно.

Своеобразным барьером, который отделяет горячий от более низких температурных значений, прежде всего, от теплый, является температура человеческого тела. Горячим можно назвать только то, что, с точки зрения говорящего, имеет температуру более высокую, чем температура человеческого тела. С лингвистической точки зрения это ожидаемый барьер: ведь горячий — тактильный параметр, а это значит, что сама процедура проверки на то, является ли данный объект горячим, предполагает сопоставление его температуры с (обычной) температурой человеческого тела. Поэтому, несмотря на сопоставимость "абсолютных" температурных значений, например, частей тела или земли с температурой воды в реке или море, понятно, почему в русском языке разрешено: горячая земля / горячие руки / лоб / губы / щека / ноги и запрещено, скажем, горячее море: температура морской воды всегда ниже температуры тела человека, а температура тела разгоряченного или больного человека или поверхности земли может казаться выше. При этом ощущается тактильное горячий не обязательно руками (ср. горячий утюг), но и ртом (горячий чай), подошвой ног (горячая галька), наконец, всей кожей (горячий ветер / душ).

Другой аспект тактильности горячий — то, что горячим может быть лишь объект, непосредственно и только в ситуации своего естественного функционирования соприкасающийся с человеческим телом. Если для объекта такое не свойственно — он не может определяться как горячий, ср. горячий потолок, в отличие от естественного горячий пол. Требование тактильности в семантике горячий запрещает и его сочетания с названиями пространств и помещений, а также периодов времени, ср.: горячая равнина / пустыня / комната / дом / январь (в прямом значении прилагательного) и мн. др. Кроме того, сам по себе параметр температуры должен быть релевантен для данного объекта — т. е. либо как-то маркирован (ср., например, всегда горячие объекты типа лавы), либо значимо меняться, ср., например, горячий — холодный утюг, горячее — холодное питье, но: горячая шуба / покрывало / плед и т. д. и т. п.

Основная метафора горячий — 'горячий' → 'быстрый' → 'интенсивный' — широко распространена в

¹ Обратим внимание на запрет сочетания жаркий труд: метафора здесь "не работает" (в отличие от дело или работа) прежде всего потому, что труд, с точки зрения русского языка, — не является актуальной деятельностью.

² В сочетании жаркая кровь метафорически интерпретируется кроме того и определяемое имя — кровь ('темперамент') — таким образом, мотивированность метафоры в этом сочетании сохраняется, но степень ее сложности еще возрастает — такую метафору можно было бы определить как третьего порядка.

языках мира³. Простые примеры такой метафоры в русском языке представляют сочетания: *горячие лошади* (=‘быстрые’) и (с отглагольными именами) *горячее участие / работа / бой / спор / любовь*, а также: *спорщик / поклонник* и некоторые другие (=‘интенсивные’)⁴.

В применении к периодам времени происходит метонимический перенос: ‘событие’ → ‘период времени, в который происходило событие’; таким образом, *горячая пора / месяц / год / ночь* и др. под. интерпретируются как ‘период времени, в который нечто происходит <особенно> интенсивно’. ‘Интенсивность’ и ‘быстрота’ *горячий* проявляются и в метафорах, где имя само — метафора, ср. *горячее сердце* (можно было бы перевести приблизительно как ‘интенсивность сердечности’) или *горячая кровь* (‘быстрый, интенсивный темперамент’).

Более сложный случай — *горячие следы*: это не ‘быстрые’, а ‘недавние’ следы: имя результата *след* требует здесь изменения сферы действия ‘быстро’ (ср. здесь невозможность прямого сочетания со словом ‘быстро’ других результирующих состояний: **быстро пьян / *быстро сыт* и под., а также особую интерпретацию сочетаний с *быстро* глаголов результирующего состояния типа *пришел* или *понял*: *быстро пришел, понял* = не ‘пришел / понял с высокой скоростью’, а ‘скоро, через небольшое время пришел или понял’).

Еще один эффект метафоры “горячий как быстрый” виден в применении этого прилагательного к людям: *горячий человек / парень* и (метонимически) *горячая голова* интерпретируются не просто как ‘действующий или реагирующий быстро’, а еще и как ‘безрассудно, неразумно быстро’. Эта реакция настолько быстрая, что она слишком эмоциональная: человек не успевает продумывать свои поступки. В семантическое описание *горячий* в этих случаях добавляется что-то вроде: ‘так быстро, что за счет неуместной спешки эмоции оказываются сильнее разума’, ср. здесь также сочетание *под горячую руку* и само свойство *горячность*, а также производный от него глагол *горячиться*, где семантический компонент ‘быстро’ тоже присутствует, но несколько отходит на второй план.

4. ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ РАСКАЛЕННЫЙ

Мы рассмотрели круг основных русских прилагательных со значением высокой температуры; дополнить его можно было бы переносными употреблениями прилагательного *раскаленный* — в значении ‘нагретый в такой сильной степени, что изменилось состояние объекта’. В прямом значении *раскаленный* описывает прежде всего металлы (*раскаленный чугун / железо*) и угли (*раскаленные угли*), ср. также *раскаленный огонь*. В переносном значении (‘очень горячий — как если бы раскаленный’) это прилагательное применяется к сильно

нагретым металлическим поверхностям (см. *раскаленный утюг / провод / сковорода / батареи* и др. под.) и к другим нагретым твердым предметам (*раскаленные камни / песок / решетка / печка / лампочка*) и мн. др.

Обычно раскаленные предметы нагреты солнцем или огнем, но *рабочие части механизмов* нагреваются до высокой температуры и за счет собственного движения, и в результате могут описываться говорящим как *раскаленные*: *раскаленный мотор / двигатель / турбина / поршень*⁵. Замечательно, что “целые” механизмы или устройства крайне редко описываются с помощью *раскаленный* в аналогичной “рабочей” ситуации, ср.: **В гору медленно, с натугой двигался раскаленный грузовик*. Ср. также: **раскаленный компьютер, *раскаленный полотер* и др. По-видимому, дело здесь в специфике необходимого для *раскаленного* движения. Например, общеизвестное исключение здесь составляет *телефон*, который в языковой картине мира представляется как чрезмерно нагревающийся (*раскаленный*, но не *горячий), причем не от работы вообще, а от (одних лишь поступающих — NB!) звонков (но не от того, например, что абонент сам целый день разговаривает по телефону), в результате которых, видимо, прототипический телефон дребезжит и мелко трясется — ср. здесь также вполне приемлемое: *раскаленный будильник / звонок*. Это единственная группа метафорических употреблений *раскаленный*.

Жидкости и “мягкие” объекты плохо сочетаются с этим прилагательным: **раскаленная вода / *спирт / *чай / *воск / *свеча / *одежда / *еда / *части тела* и др. под. В переносном употреблении возможно *раскаленный воздух / ветер* (ср. однако: *горячий / *раскаленный кислород*), но в сочетании с пространствами, постройками и помещениями *раскаленный* “выбирает” в качестве семантической сферы действия их поверхности, ср. *раскаленное купе* = ‘раскаленные стены, пол и т. д.’.

5. ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ ТЕПЛЫЙ

Теплый = ‘соответствующий температуре человеческого тела или поддерживающий его температуру и поэтому создающий человеку приятное ощущение комфорта и уюта (описываемое им как “мне тепло”)’.

Толкование указывает на две близкие группы употреблений *теплый*: тактильную, когда речь идет о температуре самого объекта — ср. здесь контексты, аналогичные тем, которые мы рассматривали применительно к *горячий*: *теплый воздух / вода / дождь / чай / руки / поверхность* и под., и “согревающую”, когда объект поддерживает температуру человеческого тела, не дает замерзнуть: *теплая одежда / квартира / дом / климат / погода* (и, с метонимическим переносом, о периодах

³Во многих африканских языках (например в языке догон) значения ‘горячий’ и ‘быстрый’ просто выражаются одним и тем же словом.

⁴Обратим здесь внимание на семантические различия в метафорическом переносе *жаркий* и *горячий*. При всей семантической близости, например, *горячий бой* или *жаркий спор* и *жаркий спор*, эти сочетания имеют совершенно разную “метафорическую историю”: *жаркий бой / спор* возникает как развитие идеи ‘источник тепла’, т. е. ‘разогревающий’, ‘будоражающий, возбуждающий’, тогда как *горячий бой / спор* — проявление интенсивности.

Любопытно в этом отношении калька *горячая точка*: с точки зрения синхронной семантики этих прилагательных, при заимствовании здесь вышла очевидная ошибка: в русском языке должно было бы быть не *горячая*, а *жаркая точка*.

⁵Интересно, что *горячий* по отношению к этой группе лексем практически не применим, ср.: **горячий двигатель нашей машины*.

времени: *теплая зима / сезон / день* и др.) — контексты, аналогичные *жаркий*.

Понятно, что эти две группы тесно связаны семантически: именно потому, что человек ощущает данный объект на ощупь, так сказать, кожей (первая группа) как теплый, он благодаря этому сохраняет температуру своего тела — и это обстоятельство, как правило, дает ему приятные ощущения.

Замечательным образом расходится в отношении *теплый* поведение помещений и пространств: для помещений (и содержащих их построек), **предназначенных** для того, чтобы согреть человека, сочетания с *теплым* — чрезвычайно естественны, а для непригодных для человека и в каком-то смысле даже изначально чужих ему пространств такие сочетания запрещены, ср.: **теплая равнина / *пустыня / *степь / *лес / *горы*, а также: **теплый город / *улицы*... Исключение здесь составляют почти лексикализованные сочетания *теплые страны / края*, ср. невозможность тех же сочетаний в единственном числе: **теплая страна / край*.

Таким образом пространства оказываются практически единственной лакуной в сочетаемости *теплый*, если не считать всегда горячих (таких, как *кипяток, лава*) или всегда холодных (как *лед, мороженое*) объектов. Последние могут в некоторых случаях сочетаться с *теплым*, но при этом, вопреки толкованию (но в соответствии семантическим противоречием, заложенным в такого рода сочетаниях) давать отрицательные коннотации, ср. *теплое пиво / водка / мороженое* и под. Во всех же остальных случаях, в том числе в метафорических употреблениях, *теплый* всегда оценивается положительно, в соответствии со второй частью данного выше толкования.

Метафорические употребления *теплый* развивают именно эту вторую, оценочную часть значения: ощущение комфорта и уюта, ср., например, *теплое место / местечко* (должность, которая может обладать самыми разными свойствами, которые все вместе и описывает слово “удобство” или “комфорт” — “удобная” должность). Ср. также *теплая компания, теплые слова* (приятные, — как говорят, согревающие душу собеседника, а именно, создающие ему комфортную ситуацию в разговоре); *теплый взгляд / воспоминания* (в последнем случае комфортная ситуация создается для объекта воспоминаний), *теплый прием* и др. под. сочетания *теплый* с отпридатными именами⁶.

6. ТЕПЛОВАТЫЙ VS. ЧУТЬ-ТЕПЛЫЙ

Таким образом, прилагательное *теплый* оказывается семантически чрезвычайно гомогенным и лингвистически, в общем, достаточно прозрач-

⁶Отдельную проблему представляют собой сочетания типа *теплые цвета* с настолько неясной референциальной соотношенностью, что МАС дает в этом случае пример, позволяющий включить сюда даже сиреневый цвет, ср.: *Вода была сиреневого цвета, такого мясого и теплого, и по ней от луны шла полоса* (Чехов). Представляется, что *теплый* по отношению к цвету — это оценка близости его к цвету теплой человеческой кожи — именно поэтому в этот участок спектра попадают красноватые (но не красные), желтоватые, пастельные, коричневатые; правда, при таком респении остается не ясной, к сожалению, интерпретация *холодных* цветов.

Другое решение предлагается в [1]: оно опирается на сопоставление с цветом огня, который предлагается как основа для толкования прилагательных английской “горячей” зоны (*hot* ‘горячий’ — такой, который вызывает представление об огне’).

⁷Любопытно, что и прилагательное *потеплевший* тоже выражает значение исключительно тактильно воспринимаемой температуры, ср. здесь невозможность: **Я, пожалуй, надеку потеплевшую после ремонта шубу* в значении ‘утеплившуюся’, а только в значении ‘теплую на ощупь’, тогда как выражение *шуба стала теплой* может пониматься и как: ‘в шубе теперь тепло’, и как (возможное, но, конечно, менее естественно): ‘поверхность шубы нагрета, она теплая на ощупь’.

ным — но здесь нам хотелось бы обратить внимание на совершенно неожиданную трудность в описании этого температурного значения в русском языке, которая связана с его производными — *чуть-теплый* и *теповатый*. Дело в том, что эти производные обозначают только тактильно воспринимаемую температуру, т. е. они (в отличие, например, от *еще теплый* или *уже теплый*) соотносятся только с первым классом употреблений *теплый* (и, вообще говоря, с тем объемом сочетаемости, который свойствен прилагательному *горячий*). Так, ни помещения, ни постройки, ни одежда, ни названия периодов времени не сочетаются с *чуть-теплым* и *теповатым*, ср. *чуть-теплый / тепловатый *дом / *пальто / *комната / *месяц* и др.⁷.

Разумеется, ни суффикс *-оват-*, ни частица *чуть* не могут сами по себе обеспечивать тактильную интерпретацию данных производных. Строго говоря, в рамках композиционального подхода, очень трудно объяснить, что же происходит в данном случае и за счет чего возникают здесь семантические изменения (выйти же за пределы композициональности тоже опасно, потому что это означает признать себя находящимся в абсолютно свободной и совершенно “беззаконной” семантической стихии). И все же есть некоторые семантические эффекты в этих производных прилагательных, которые поддаются лингвистическому анализу и могут быть объяснимы.

В частности, если говорить о суффиксе *-оват-*, то сочетаемость производного с этим суффиксом обычно уже сочетаемости исходного прилагательного. Возьмем, например, прилагательное *красный*. Соответствующим его производным будет *красноватый*, которое обозначает такой цвет, в котором красный присутствует в небольшой степени, ср., например, *красноватые обои* — они могут быть желтыми или синими, но в их окраске должен присутствовать еще и красный цвет. Таким образом, *красноватый* (и в той же мере — *синеватый, зеленеватый* и все остальные подобные) описывает объект **неопределенного** цвета, и следовательно, в тех случаях, когда цвет однозначно определен — например, значим, *-оват-* употреблен быть не может, ср. **красноватый свет светофора, красноватая / синеватая ручка / карандаш экзаменатора* и др. под. Как видим, эти сочетаемостные различия довольно хорошо объяснимы — за счет семантики суффикса. Отметим, что данное ограничение работает и в температурной зоне: оказывается, что температурные характеристики пространств являются абсолютно определенными — может быть *жаркая / холодная степь*, но не: **жарковатая / *холодноватая*, ср. также: **холодноватые горы, *жарковатая пустыня *теповатый край*. Все

сказанное верно и для семантики частицы *чуть*, ср. **чуть красная ручка*; **чуть холодная равнина* и др.

Другой аспект семантики *-оват-* — его оценочность: *длинноватый* — это не просто 'несколько более обычного длинный', а 'длинный, несколько больше, чем нужно или должно быть', и эта неуместная характеристика часто интерпретируется как отрицательное свойство объекта, ср.: *длинноватые волосы*, *коротковатая юбка*, *великоватые ботинки*, *низковатый лоб* и др. и: *тяжеловатый чемодан*, *сложноватая задача*, *грязноватая гостиница*, *туповатый собеседник*, а также: *кисловатый*, *горьковатый*, *сладковатый* (ср. здесь запрет на: **сладковатое варенье* / **сладковатый пирог*, и естественность сочетаний, которые описывают неуместный вкус сахара: *сладковатый суп* / *перец* / *привкус* и под.). Важно, что образования с *-оват-* от "положительных" прилагательных типа: *легковатый, *чистоватый, *умноватый (ср. также **простоватая задача* при возможном и очевидно пейоративном: *простоватый мужик*) в русском языке запрещены. Таким образом исходно "положительное" *теплый* в контексте суффикса *-оват-* должно получить отрицательную оценку.

Таким образом, *теповатый* — это не просто 'немного теплый', а еще и 'неправильно теплый', и поэтому лучше всего *теповатый* применимо к всегда-холодным артефактам (т. е. не просто всегда-холодным объектам, а таким, которые предназначены, чтобы быть холодными), ср.: *теповатое пиво* / *водка* / *мороженое* / *душ* (если мы ожидаем холодного) и т. п.

Такого семантического компонента нет в семантике *чуть*, поэтому сочетаемость *чуть теплый* отличается от сочетаемости *теповатый*. *Чуть-теплый*, наоборот, означает 'недостаточно теплый' и хорошо применим к нагревательным приборам и горячей еде: *чуть-теплый чайник* / *кофе* / *суп* / *батареи* / *утюг* / *печка* и под. значит. 'еще не нагревшийся до нужной температуры, теплый в очень малой степени' или 'остывший, и поэтому теплый в очень малой степени'.

Дело в том, что само *чуть* описывает предельно маленький объем признака (см. [2]), причем только такого, который уже сам существует, так сказать, в неполном своем качестве: нельзя сказать: *чуть красный* или *чуть большой*, *чуть грязный*, а можно только: *чуть красноватый*, *великоватый*, *грязноватый*. Отрицательная оценка, возникающая в такого рода сочетаниях, навязывается семантикой *-оват-*. Замечательным образом, признак 'теплый' не нуждается ни в какой корректировке объема для сочетания с *чуть* — это единственный признак, который сам по себе обозначает промежуточное значение — между горячим и холодным, поэтому он может сочетаться с *чуть* как есть, без помощи *-оват-*, и, следовательно, без изменения оценки самого признака: *чуть теплый* в таком случае будет называть предельно маленький объем *хорошего* признака — отсюда прагматический эффект, что этого "мало", т. е. что это 'теплый в недостаточной степени'.

Такое состояние объекта тоже может оцени-

ваться как неудовлетворительное, и в результате в таких сочетаниях тоже возникает (слабая) отрицательная оценка. При этом оказывается, что в каком-то смысле значения *теповатый* и *чуть-теплый* даже противоположны: в *чуть-теплым* оценивается нехватка тепла по отношению к естественному состоянию объекта, а в *теповатый* — его избыток, так что странны как сочетания *теповатый суп* / *печка*, так и: *чуть-теплым пиво*, ср. также: *чуть-теплые* (*теповатые) *руки* (= 'слишком холодные') или: *его уже чуть-теплым, остывающее тело* (*теповатое тело — значило бы: 'слишком теплым').

7. ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ ХОЛОДНЫЙ

Перейдем теперь к низким температурным значениям; интересно, что прилагательных этой семантики количественно значительно меньше, чем их квазиантонимов. Мы начнем с центрального и рассмотрим семантику *голодный*, потому что именно *голодный* является наиболее близким антонимом к только что рассмотренному нами *теплым*, хотя при этом он же — антоним к *горячий*.

Холодный — 'имеющий низкую температуру — ниже нормы — и не поддерживающий температуру человеческого тела, а охлаждающий'.

Легкие семантические сдвиги, возникающие при употреблении *голодный*, хорошо объяснимы: если речь идет об источнике тепла, то *голодный* — это не согревающий (*холодное солнце*) или недостаточно нагретый или уже остывший (о нагревательных приборах, ср.: *холодная печка*, *батарея*; то же о еде: *холодная баранина*): холодная одежда — не защищает от холода, холодные поверхности хололят кожу, специально охлажденная еда или напитки — приятно охлаждают (*холодное пиво*).

Прилагательное *голодный* имеет, пожалуй, самую широкую сочетаемость в температурной зоне: только всегда-горячие объекты, такие как *дым*, *пар*, *кипяток* не сочетаются с *голодный* (ср.: *голодный огонь)⁸. Тем самым, *голодный* обозначает и тактильно, и нетактильно, т. е. опосредованно воспринимаемую температуру, ср.: *холодная поверхность* / *воздух* / *свет* / *дождь* / *чай* / *солнце* / *утюг* / *комната* / *пустыня*.

Метафорическая употребление *голодный* описывают прежде всего человека и его действия и связаны с отсутствием источников человеческого тепла — души и сердца, поэтому *голодный* (о человеке) — это лишенный эмоций (за которые как раз "отвечают" в наивной картине мира именно эти два органа, см. подробнее [4,5]), ср.: *холодная красавица*. Поэтому *голодный* может значить 'бездушный, бессердечный' и иметь отрицательную оценку: *голодный взгляд*, *слова*, *голос*; в то же время отсутствие эмоциональной стороны может быть компенсировано разумом и рассудком: дополнительность разума и эмоций в наивной картине мира мы уже отмечали, когда говорили о прилагательном *горячий*. Поэтому сочетания типа *решить все на голодную голову*, т. е. 'взвешенно, без <лишних> эмоций' имеют положительную оценку, ср. то же значение в *хладнокровный*⁹.

⁸ Отметим также непредметное имя *мороз*, у которого есть "собственное" прилагательное для обозначения низкой температуры — *студеный*, ср.: *голодный мороз — *студеный мороз*.

⁹ Обратим внимание на отсутствие антонимии в настоящем смысле между *горячий кровью* и *хладнокровный*: хладнокровный человек лишен эмоций, но не медлительен: его "тепл" контролирует рассудок.

Получается, что в русском языке параллельно обычной температурной шкале имеется своеобразная метафорическая шкала человеческих состояний и ощущений, ср.:

голодный — 'лишенный эмоций (но при этом, возможно, руководимый рассудком);

теплый — 'создающий приятное ощущение';

горячий — 'интенсивный в эмоциональном отношении (в том числе в ущерб разуму)';

жаркий — 'распространяющий сильные эмоции, по аналогии с источником тепла'.

Легко видеть, что семантика метафорического переноса *теплый* как бы выбивается из общего ряда, так что правильнее было бы *теплый* из него исключить. И наоборот, добавить к этой метафорической шкале следовало бы прилагательное *прохладный*.

8. ПРИЛАГАТЕЛЬНОЕ ПРОХЛАДНЫЙ

Семантика *прохладный* довольно любопытна. Дело в том, что в своем прямом значении оно может быть истолковано как: 'охлаждающий до приятного состояния' и имеет явно выраженную положительную оценку, ср.: "Вода прохладна и свежа, ее меняют сторожа", где синонимом к *прохладный* выступает "положительное" *свежий* (правда, вне контекста *свежий* синонимичен *прохладный* только в сочетании *свежий ветер*). *Прохладный* наиболее естественно в сочетании с водой и воздухом (*прохладный воздух/ветер/душ/дождь*), а также всегда-холодными напитками — *прохладительными (сок, пиво...)*. Особенностью его сочетаемости можно считать слова *лес* и *тень (отдохнуть в прохладной тени)*, не допускающие других температурных определений: **жаркий/теплый/холодный лес*; **жаркая/теплая/холодная тень*.

Прохладный безразлично к тактильности: и поверхности, и помещения, и время (метонимически) могут быть охарактеризованы этим прилагательным: *прохладный песок/лоб/кожа/гостиная/ночь...* Довольно трудно подобрать пример сочетаемости *прохладный* с названиями одежды: ведь это должна быть не согревающая (что наиболее естественно для одежды), а, наоборот, приятно охлаждающая одежда, ср. характерное *прохладный шелк*. Конечно, *прохладный* не сочетается с всегда-горячими или специально-горячими объектами или источниками тепла ("прохладное солнце/чай/грелка...")¹⁰. Это естественно, потому что семантическая доминанта значения *прохладный* — положительная оценка, которая возникает от отсутствия тепла, тогда как эти имена обозначают объекты, предназначенные для согревания.

Между тем замечательное свойство прилагательного *прохладный* в том, эта оценочная доминанта неожиданно полностью исчезает, и даже меняется на отрицательную оценку, когда речь идет о метафорических контекстах, ср.: *прохладное письмо/слова/воспоминания/отношения/чувства...* (т. е. в целом тот же набор, что и у прилагательного *теплый*, но: **прохладное сочувствие/* дружба*). МАС толкует эти употребления как имеющие значение 'равнодушный, безразличный', т. е. говорит об **отсутствии** эмоций. Тем самым, в приведенной выше шкале *прохладный* как раз в точности занимает место исключенного *теплый*: 'лишенный эмоций, как положительных,

так и отрицательных, причем место их не занято разумом'. Интересно, что оценка здесь все равно отрицательная — несмотря на "нейтральное" положение в шкале и собственную положительную оценку *прохладный*. Это значит, что в метафорической зоне человеческих отношений и реакций в языковой картине мира "норма" оказывается выше температуры человеческого тела.

9. СЕМАНТИКА ПРЕДМЕТНЫХ ИМЕН

Представленный выше языковой материал свидетельствует о том, что употребление температурных прилагательных ориентируется скорее не на абсолютную шкалу, а на значимые для человека выделенные температурные значения (типа "температура человеческого тела") — имеющие довольно приблизительно физические соответствия¹¹. Антропоцентричность таких "вех" не противопоставляет, а, наоборот, сближает эту систему с упомянутым во введении размером: аналогом научному представлению температуры в виде, например, шкалы Цельсия, является, применительно к размеру, как известно, Евклидова геометрия. Оказывается, что и в том, и в другом случае научное представление не моделирует естественно-языкового (о различии естественно-языковой картины мира и Евклидовой геометрии подробнее [6]). Поэтому лингвистическая модель должна строиться на принципиально иных основаниях.

Одним из таких оснований могла бы быть классификация имен с точки зрения возможных температурных значений. Первое, что бросается в глаза, когда рассматриваешь предметные имена в контексте температурных прилагательных, — это существование **всегда горячих** и **всегда холодных** объектов в языковой картине мира, таких, как огонь, кипятки и пар или, с другой стороны, снег и лед. Это, конечно, самые простые, прозрачные с точки зрения температурных значений классы имен.

Интересен в этом отношении языковой образ объекта, который в русском называется *пламя* и обозначает **видимую** субстанцию огня. Его "метафорическая температура" чрезвычайно близка к тому "уровню", который выражается словом *горячий* (хотя сочетаемостные возможности значительно более ограничены), ср. *пламенный привет/стремление/любовь* (но не к конкретным людям, а только в смысле 'приверженность', например, *его пламенная любовь к рабочему классу/идеалам демократического мира*). Однако в прямом значении это имя сочетается не только с прилагательным *жаркий* (хуже — с *горячий*, ср. ?*горячее пламя*), но и с прилагательным *холодный*. Это происходит потому, что *пламя* обозначает не только огонь, но и свет огня.

Между тем, свет оказывается еще одним представителем класса с языковой точки зрения всегда-холодных объектов, ср. *холодный/холодоватый*, но **теплый/* горячий свет*. (Возможно, это как-то связано с цветом света — бело-голубым, принадлежащим к так называемой холодной части цветового спектра.) Отсюда "холодность" небесных светил в языковой картине мира — луны, звезд (но не солнца, которое воспринимается в первую очередь как источник **тепла**, а не **света**.) Рассвет, закат, зарево — все это свет, и эти имена тоже допускают только прилагательное *холодный*. Любопытно, что

¹⁰ Ср. однако, правильное: *гладить прохладным утюгом*.

¹¹ Данное утверждение коррелирует с выводами У. Сутропа [7], который использует понятие "физиологического нуля", заимствованное из физиологии.

слово *луч* ведет себя в сочетаниях с температурными прилагательными значительно свободнее — так, в русском языке естественно звучит: *теплый луч света*. Данное обстоятельство, конечно, требует своего объяснения (см. также ниже).

К классу всегда горячих и всегда холодных объектов примыкают имена артефактов, обозначающих специально горячие/холодные объекты: это, конечно, еда и напитки. В большинстве своем еда имеет специально высокую температуру (выше человеческого тела) — ср. чай, картошка, суп и под. Узкий круг блюд и напитков, наоборот, естся и пьется холодными — шампанское, сок, салат и под. При этих именах неправильно выбранное температурное прилагательное не невозможно, ср.: *теплое шампанское* (правда, *горячее шампанское* уже звучит странно), но создает эффект “неправильного артефакта”, следствием которого оказывается отрицательная оценка в случаях типа *холодные макароны*, *теплый кофе* и под.

Нетривиальным образом ведут себя названия металлов: сталь, чугун и проч., а также стекло. Оказывается, что их нормальное с языковой точки зрения состояние — тоже быть всегда холодными (даже метафорическое *стальной блеск* как бы подразумевает *холодный блеск*); *горячий* в применении к этим словам обозначает другое состояние вещества — не нагретый, скажем, на солнце металл, а раскаленный, даже расплавленный, ср. в этом смысле: *горячий чугун*; косвенным подтверждением здесь служит и то, что сочетание “*теплый чугун*” малоестественно.

Названия пространств (*пустыня*, *степь*, *равнина*, *саванна* — *жаркая*, *знойная*, *холодная*, но, конечно, не *горячая; *горы* — только *холодные*¹²) сочетаются с температурными словами довольно избирательно и не допускают “промежуточных” температурных определений — ср. допустимость *жаркая* и *холодная пустыня* / *степь* / *равнина* при невозможности *теплая / *тепловатая* / *прохладная пустыня*. Поразительным исключением в данном случае является слово *лес*: единственное несомненное прилагательное температуры, которое это имя допускает в русском языке, как раз промежуточно по своей семантике — это *прохладный (лес)*; ср. здесь: ?*холодный лес*, *жаркий лес, *теплый лес.

Обратим внимание, что кроме того, сам список названий пространств, вообще разрешающих при себе температурные определения, по крайней мере в русском языке, очень ограничен — например, невозможны *жаркая деревня / *поле* / *луг* при допустимости *жаркий город*. Страны ведут себя несколько особо — температурные характеристики описывают их климат как постоянное свойство, ср. *жаркие* / *теплые* / *холодные страны* = “страны с жарким / теплым / холодным климатом”.

Уже эти примеры показывают, что “температурный” взгляд на именную классификацию — особенный, он ни в коем случае не дублирует обычные таксономические классы. В этом смысле принцип составления типологической температурной анкеты должен быть абсолютно противоположным тому, который был реализован в работе Урмаса Сутропа. Действительно, температурная классификация (в отличие от таксономической) представляет собой шкалу, у которой есть два очевидных полюса: *лед* и *огонь* (но не *пламя*!) — всегда-

холодное и всегда горячее. К первому примыкают свет, металлы, стекло, пространства, холодное питье и закуски. Ко второму — горячая еда и питье, а также нагревательные приборы. Между ними, в “теплой” зоне температурного спектра располагаются помещения, одежда, согревающие/охлаждающие устройства типа грелок и компрессов и вода в природе и доме. (Кстати, именно последняя, промежуточная зона, как раз и отражает в наибольшей степени лабильность температурных значений; “полюса” же в этом отношении, наоборот, ведут себя довольно жестко.)

Замечание. В связи с “полярными” классами имен возникает естественный вопрос: есть ли такие имена, которые можно было бы назвать “всегда теплыми”? Единственный претендент на заполнение этой лакуны нашелся в русском — это слово *дым*, для которого, как кажется, это действительно наиболее характерное “температурное состояние”.

Наконец, отметим огромную “пустую” зону в сочетаемости температурных прилагательных — это живые существа: люди и животные. Температурные прилагательные применяются к ним только в метафорических контекстах¹³.

Итак, температурная классификация не совпадает с таксономической. Важным следствием из этого оказывается разная сочетаемость с температурными прилагательными имен, обычно попадающих в один класс или подкласс в стандартных таксономических классификациях. В качестве простого примера рассмотрим слова: *одеяло* — *подушка* — *простыня*. Таксономически они попадают в один и тот же класс постельных принадлежностей, так что можно было бы ожидать от них общности языкового поведения — но его нет:

	жаркий	горячий	теплый	прохладный	холодный
<i>одеяло</i>	+	-	+	-	+
<i>простыня</i>	-	+	-	+	+
<i>подушка</i>	+	+	?	+	?

Важно, что такое поведение имен мотивировано: *одеяло* ведет себя как одежда: *теплое одеяло* описывает не то, что оно нагрето, а то, что под ним тепло, *жаркое* — что жарко, а *холодное* — что холодно; соответствующая строка таблицы будет абсолютно идентична, например, той, которая описывает сочетаемость слова *шуба* или *сапоги*. *Подушка* же с точки зрения температурной классификации — это прежде всего поверхность, сохраняющая тепло. *Простыня* не воспринимается как одежда, по и не сохраняет тепло как поверхность (сама по себе, *простыня*, наоборот, охлаждает — ср. *прохладные простыни*), однако при особых обстоятельствах *мокрая простыня* (а это в некотором смысле уже другой объект, с другими функциями) может использоваться как “водное” приспособление, согревающее/охлаждающее, подобное компрессу или грелке, ср.: *завернуть в горячую / холодную простыню*.

“Температурные” классы (как, впрочем, и “размерные”, и “цветовые”) не просто нарушают таксономические границы — они нарушают и родовидовые отношения — основу основ процедуры наследования семантических свойств и поверхностного поведения лексем. Ведь верно, что мрамор — это вид камня, сталь и чугун — виды металлов, а *луч* — “квант” света. Однако для языковой картины мира существенно, что камни вокруг нас, под ногами, они нагреваются под солнцем, раскаляются в огне, охлаждаются в воде и т. д. Мы есте-

¹²Обратим внимание на то, что в единственном числе *гора* не является именем пространства и не характеризуется температурными прилагательными.

¹³Интересно, что точно так же ведут себя и прилагательные формы, но не размера и цвета.